

ЛИТЕРАТУРА — ЖИЗНЬ МОЯ

АЛЕША ПЕШКОВ разглядывал на солнце страницу книги, стремясь проникнуть в писательское колдовство: как это удается на белом листе породить живого человека? И мы, вполне взрослые и грамотные люди, до сих пор продолжаем неутомимые поиски, чтобы добраться до сути литературного ремесла.

На одной читательской встрече меня спросили, когда именно я понял, что стану писателем, и никем иным. Я ответил, что и теперь еще до конца не осознал, что нахожусь на своей стезе и, хотя уже почти сорок лет работаю в литературе, не могу сжиться с мыслью, что я писатель. По тому, как люди пожали плечами, я понял, что они не поверили мне, хотя говорил искренне, не кокетничая. В самом деле, я не был запрограммирован писателем. В роду у меня сплошь малограмотные крестьяне, мать даже расплывалась на умела — ставила крестик. Шести лет посадили на лошадь — боронить землю, пятнадцати лет уже был трактористом. А там — война! Но жизнь провела меня через такие исторические события, о которых надо и хочется говорить.

Не мы выбираем профессию, это профессия нас выбирает, и, наверное, слово «призвание» следует толковать так: жизнь призывает тебя исполнить то, что тебе предназначено. Сделав меня писателем, судьба, как всегда, оказалась предусмотрительнее и разумнее меня, и я должен благодарить ее и использовать данное мне дарование, чтобы по возможности добросовестно исполнить свой долг служения людям.

Когда получаю письмо читателя и он говорит, что заплакал над какими-то страницами, пожалел такую-то судьбу, а там-то, наоборот, посмеялся, а там-то хотел быть, как мой герой, — это счастье, которое, не знаю даже, с чем можно и сравнить. Удивительная у нас профессия, и она, конечно, должна быть ответственная. При нынешнем взрыве книголюбия эта ответственность обретает уже какое-то особое значение. Как же много надо обдумывать и как долго согреть слово, прежде чем ты решишься вынести его на суд людской!

ИТАК, точка в рукописи поставлена и новый роман скоро появится в журнале. Вроде бы груз великий снят с плеч, а на душе тревожно: не будет ли разочарован читатель? Книга-то снова о моем селе на Саратовщине, о годах предвоенных, а обещал я роман о Сталинграде, о войне, роман, который замислился давно и работа над которым, как я уже признавался перед обширной аудиторией Останкинской телестудии, шла чрезвычайно трудно.

В чем было дело? Воевал я под Сталинградом с первого до последнего дня, все видел сам, к тому же изучил мемуары Чуйкова, и Василевского, и Батова, и, естественно, Жукова; перечел все написанное по горячим следам — и документальное, и художественное, — такие книги, как символические «Дни и ночи», и позднейшие его романы, и знаменитые очерки Василия Гроссмана (кстати, по его и Марка Колосова рекомендации меня принимали в Союз писателей после Второго всесоюзного совещания молодых). Прочитал все, что мог добыть, и немецких авторов: многие были участниками это-

го величайшего сражения, попали в плен, сохранили себе жизнь и теперь вспоминают (о Сталинградской битве бывшие враги наши написали гораздо больше, чем мы, советские люди, — может быть, поражение настойчивее, чем победа, заставляет осмысливать и извлекать уроки из прошлого?).

Подготовительная работа проведена немалая, и свое пережитое не изгладилось в сердце, а дело застопорилось. И тогда понял: мне не хватало биографий моих героев, их довоенной жизни. Ведь кто-то же живой, из плоти, крови и нервов, готовил их к этому испытанию духа, к этому рубежу, может быть, и не представляя себе, насколько он будет иррит и страшен! Там появилась книга «Драчуны», которую я могу теперь назвать прологом и большим романом о Сталинграде.

Людей моего поколения, чуть помоложе или постарше, жизнь не особенно баловала в те трудные годы — конец 20-х, начало, середина и конец 30-х, до самой войны. Одевались мы не шибко нарядно, да и не всегда были сыты. Другое дело, что мы были счастливы, а счастливы человек, когда он во что-то очень сильно и непоколебимо верит. Мы верили в святость наших дел, и это держало нас в довоенную трудную пору и еще больше — под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге, на Днепре и на Одере. Однажды Леонид Максимович Леонов мне сказал (помнится, говорили о его «Нашествии»): «Меня всегда интересовали те

◇ **Земля родная — вечные истоки**

◇ **Пролог с эпилогом**

◇ **Уроки классиков**

◇ **Публицистика — потребность души художника**

◇ **Твой писательский и твой редакторский стол**

добру, чтобы он решился пожертвовать из-за него и честолюбьем, и самолюбьем, и всеми мелочами легко раздражающегося своего эгоизма и положил самому себе в непреломный закон — служить земле своей, а не себе, помня ежеминутно, что взял он место для счастья других, а не для своего». Как это мудро и как современно звучит!

Некрасова могу читать наизусть и час, и два. Он пришел в мою душу раньше всех, даже раньше Пушкина. Его не называл учителем — это мой союзник по деревенским

мол, проза — первый сорт, публицистика — второй. Помяловский, Глеб и Николай Успенские — публицисты, но кому же придет в голову усомниться, что это были большие художники? А «Не могу молчать» Льва Толстого, а «С кем вы, мастера культуры?» Горького?.. Должен сказать: к публицистике я стараюсь ответственности, а может, и с большей, чем к художественным произведениям. Поверьте, хватало бы осторожности, если бы не ума, не выступить в дни торжеств и праздников,

мол, проза — первый сорт, публицистика — второй. Помяловский, Глеб и Николай Успенские — публицисты, но кому же придет в голову усомниться, что это были большие художники? А «Не могу молчать» Льва Толстого, а «С кем вы, мастера культуры?» Горького?.. Должен сказать: к публицистике я стараюсь ответственности, а может, и с большей, чем к художественным произведениям. Поверьте, хватало бы осторожности, если бы не ума, не выступить в дни торжеств и праздников,

Мол, проза — первый сорт, публицистика — второй. Помяловский, Глеб и Николай Успенские — публицисты, но кому же придет в голову усомниться, что это были большие художники? А «Не могу молчать» Льва Толстого, а «С кем вы, мастера культуры?» Горького?.. Должен сказать: к публицистике я стараюсь ответственности, а может, и с большей, чем к художественным произведениям. Поверьте, хватало бы осторожности, если бы не ума, не выступить в дни торжеств и праздников,

Книга-событие — вот о чем я сейчас мечтаю. Приливная волна имеет протяженность, и надо надеяться, что могучая, сильная наша литература вынесет на ее гребень книгу-событие о наших днях.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

КРАЕУГОЛЬНЫЕ КАМНИ

люди, которым Советская власть принесла даже некие неприятности, но которые в годину испытаний забывали обо всем и делались настоящими защитниками. Я мог бы повторить то же применительно и героям моего романа, а большинство их я привел из детства и самому порогу войны. Но чтобы не поучилости, снабдил роман эпитетами.

Значит — пролог с эпилогом, а между ними по времени как раз и должна уместиться главная книга о Сталинграде. Биографии героев ясны, и характеры уже сложены, и мотивы поступков определены, и впереди — главный рубеж. Эпилог же датирован 1980 годом.

Один из участников Сталинградской битвы, рассказчик, спустя много лет возвращается в родное село. Его не узнают: соломенные крыши исчезли — шифер, желез, новый клуб, школа, где прошло детство, перестроена, и перед ней стрелю на небо — обелиск, двумя столбцами — имена павших, и среди них то одно, то другое, уже знакомое читателю. Не вернулись ребята с войны... И вот так постоая, погрузив, идет рассказчик в бывший дедушкин сад. К Вишневному омуту, и снова — я уже не могу без этого! — возникает весь живой антураж этого священного уголка земли: и птицы поют, и уж проползает, и сорока тут... А на той стороне речки какой-то парень, ничего кругом не замечая, прильсывает, вытаскивает в обтянутых своих джинсах с транзистором на голом пузе. «Маяк» начинает передавать последние известия: империалисты снова против разоружения; очередная неудача ученых, зондирующих радиосигналами Вселенную в поисках внеземных цивилизаций. Молчит Вселенная. А может, их вовсе и нет, иных миров? Может, лучше беречь свой, единственный? Парень

на минуту задумывается, а потом, повернув ручкой трансистора и найдя соответствующий ритм, снова идет отплясывать по-современному. А рядом мирно пасется стадо пестрых телят, уже привыкшее к «стилю работы» своего пастуха...

Над романом о Сталинграде еще много придется работать. Как шли в атаку, как лилась кровь, как снег был горячим — этого теперь, думаю, мало. Еще что-то надо. Это не значит, что я обязательно пойду в Ставку Верховного Главнокомандования — таких намерений нет. Хочется подчеркнуть народный характер этой битвы. Сердце солдатское — вот где моя верховная ставка.

ПРАВ ЛИ БЫЛ Гоголь, говоря примерно так: найди ключ и душе своей, и этим ключом ты отворишь душу всех? Во всяком случае, мне эта мысль созвучна.

Все мои книги автобиографичны — и «Нароха», где даже личные живые невздуманные, и новый, абсолютно документальный роман «Драчуны», и значительная часть «Ивушка не плачущая», и даже «Солдаты», где повествование идет от третьего лица и герои вроде бы вымышленные. На родине, на Саратовщине, в селе Монастырском и близ него, по сути, родились все мои книги. Родина вроде бы крохотный, а вот никак не могу его вычерпать, так много в нем помещается. Другие этого и не замечают, а мои земляки быстро угадывают прототипы. «Э да это Алексей Иванович Климов», — скажут они, прочитав о вечно депутатском мущине Акимове в повести «Хлеб — имя существительное». А иной раз и вовсе встретят знакомые фамилии, портреты своих соседей, известные про них истории. Среди придуманных героев я умышленно оставляю заданные судьбы и имена. За чем мне это нужно? Когда мужик ставит избу, он по иррациональным законам краевугольным, — а уж потом подводит фундамент и укладывает бревна. Люди из жизни — это краевугольные камни, они держат мое здание, не дают фантазии слишком уж высоко оторваться от грешной земли или шархануться в сторону. Это мой ОТК, мои контролеры, их глазами я слежу за собой. Они не позволяют солгать ни в большом, ни в малом.

ОГОЛЕ думаю все больше и больше, давно полюбил его, а к нынешним годам эта любовь переросла в страсть. Я живу этим писателем и знаю, что учиться у него напрямую — например, технике словесного мастерства — нелегко. Но у него можно научиться с полной раскованностью, как словесной и стилиевой, так и душевной, искренности беспредельной. Вот что говорил он в одном письме к другому литератору: «...у редкого из нас доставало столько любви к

радостям, а больше — печалю. Я рано — в начале тридцатых — остался без отца и без матери. Рано научился всем крестьянским, даже женским работам: доил корову, пек хлеб, блины. (Мог ли я думать, как пригодятся мне все эти подробности деревенского быта позже, когда стану писателем!) В эту пору сиротства Некрасов был нужен мне до зарезу. Я плакал светлыми слезами, когда читал про Орину, мать солдатскую, и это было про меня: «Кухай тюрю, Яшал Молочка-то нет!» А его «Крестьянские дети!» А «Мороз, Красный нос!» Да ведь это мать моя была, это с ней мы ездили в лес за хворостом, только не Саврасушка у нас был, а наша корова Рыженка, которую мы научили исполнять лошадиные обязанности. Ох, как нужен был мне Некрасов!

А потом я ухватился за Горького. Тоже наш, родился на Волге, и уж не барин, а сирота, босак, странник, подвизавшийся на такую высоту! Учительница говорила: учись, и вы будете всесторонне развитой личностью. До смерти нравились мне эти слова: «всесторонне развитая личность». И я решил — обязательно стану, Максим Горький же стал! Когда в 1936 году я подал документы в педучилище и узнал, что как отличник принят без экзаменов, и полный надежд, возвращался домой, я увидел на полу кем-то брошенную газету «Правда» и на первой полосе — Горький в гробу. Это можно было сравнить лишь с той минутой, когда умерла мать. Большой горечи, большой беды личной я не переживал. Я схватил газету, прибежал домой, кинулся на постель, рыдал и думал, что все погибло, что без Горького жить не могу.

Да простится мне такая интимная подробность: я снова пережил все это, и снова все припомнилось до деталей, когда прикладывали мне лауреатский значок с профилем Горького за роман «Вишневого омуту». По стечению обстоятельств — Государственную премию РСФСР только что учредили, и я был в начале алфавитного списка — значок оказался № 1.

ЗВОНИЛИ из редакции радио, предложили выступить в этот красный календарный день. Испросил время подумать: жаль отрываться от романа. И все же...

Существует среди нас, литераторов, мнение, что не стоит растрчивать свои мысли и нервы на публицистику, на однокорневую, лучше побегать для прозы. Я не делал бы различий между тем и другим:

когда бы сердце мое не было к этому готово. Душа должна созреть и прорасти какой-то мыслью очень важной, и не только для меня — для других, многих, мыслью, которая именно в этот день может особенно веско прозвучать.

Незадолго до XXVI съезда партии выступил в «Известиях» со статьей «Земля и мир». Никогда эти два слова не записывались так друг от друга, как теперь. Не сохранишь одно — не сбережешь и другое. По неграмотности, по глупости и без войны человек может остаться потомком — и не таким уж далеким! — не планету, голубую и зеленую, а миллиардный шар с башенными кранами. А если война?

В одном костре могут гореть и правые, и неправые. В средние века провозвестники передовых идей могли сжечь, четвертовать, распять, но идея не умирает, успех переключается в головы учеников и последователей, после же гермоидерного пламени может не остаться ни учителей, ни учеников. Сохранение мира — главная предпосылка созидательной работы человечества, и об этом сейчас нельзя думать в рамках одной лишь страны. Только глобально, только сообща! Эта мысль меня тревожила, и я был уверен, что она будет волновать и тревожить всех. И на партийном съезде она прозвучала со всею силой.

Итак, пишу ли я роман, заметку, публицистическую статью, выступаю ли перед людьми — я должен делать все это на пределе своих душевных и художественных ресурсов. Только тогда я смогу уважать себя как писателя, как человека, как гражданина.

РАЗМЫШЛЯЮ о нашей литературской профессии — с каждой другой ее можно поставить рядом? И тогда возникает слово «учитель». Но молодому учителю, даже если он выбегит со слезами из класса, не найдя с ним контакта, на первых порах может проститься неудачный урок. Молодой литератор лишен такого права: перед ним не 25 несмышляющей, а ждущие его слова тысячи людей. Мы злоупотребляем этими эпитетами — начинающий, молодой. Читатель ведь безразлично, молодой ты или старый. Ты — писатель. Что-то не припомню, чтобы и за Леоновым, Шолоховым или Фединыным долго тащились эта прибавка — молодой. Первая книжка «Тихого Дона» появилась, когда Шолохову было 23 года. Фадеев издал «Разгром» в 26 лет, а писать начал куда раньше. Эти молодые не боялись сразу же брать на свои плечи величайший груз.

С точки зрения живописи слово многие из нынешних

ВСТАЕШЬ иногда утробе и думаешь: хорошо бы и писателю к столу! А тебе надо ехать в журнал на редколлегия, на совещание, читать рукописи... Завидую «свободным художникам».

Но вот что удивительно: за 30 с лишним лет только один год нигде не служил, и за этот год я написал меньше всего. Почему? Нет «творческого вдохновения» — и ищешь любой предлог, чтобы не сесть к рукописи: еще успею. Иное дело теперь. Думаю, дефицит «вдохновения» — это как раз и есть стимулирующий двигатель, а твоя собственная рукопись, желанная и долгожданная, — уже не будни, а творческий праздник.

И все же! Затрудняют ли обязанности главного редактора собственное творчество? В значительной степени затрудняют. Но есть компенсация — это кипение самой жизни, литературный процесс не где-то рядом, а ты — внутри него. Однажды М. Шолохов очень верно сказал: писатель учится у всех писателей, у хороших и у плохих. У первых — как надо писать, у вторых — как не надо. Ты тревожишься за все, что печатается на страницах журнала, ведь ты как бы соавтор всех этих вещей. И никакая же радость, ни с чем не сравнимая, когда появляется нечто замечательное, нужное всем! Соавтор — да. Но если я, главный редактор, буду оценивать предлагаемые рукописи, опираясь только на собственный литературный вкус, я решаю об этом образцом не гоню для этой должности. К примеру, я скажу: «отыщется», а другой напишет: «если найдется». Писатель на то время, когда редактор, должен наступать на горло собственной песне и почаше призывать на помощь своему сердцу разум. Я не люблю короткой фразы, но это вовсе не значит, что ее не люблю и я.

Больше того: писатель имеет право быть поэтичным, только не одного единственного писателя — на самого себя. Величайший художник — природа создала 4,5 миллиарда человеческих существ и ни разу не повторилась: даже у близнецов бывает разная группа крови. Если ты, редактор, доверишь только своему ощущению и сменешь об этом собственным голосом — не обязательно это львиный рык Толстого пусть это будет тихий, пона еще еле слышный голос, но твой! — ты и тогда уже будешь нужным литературе. Литература любит многоголосие. И это надо помнить, когда решаешь занять редакторский стол.

Журнал «Москва» старается привлечь писателей разного голосах. «Вечный зов» А. Исаева или «Судьба» П. Прокуриной и воспоминания Анастасии Цветаевой. Критик Олег Михайлов и неожиданный критико-мемуарная работа Маргариты Алигер, Егор Исаев и Андрей Вознесенский. Разное! Но все это вместе взятое называется литературой. Чтобы журнал был интересен для нас, естественно, и этому стремился, надо помнить одну заповедь: если идти путем собственных вкусовых привязанностей, журнал в конце концов станет сиучиным, обкрадет самого себя.

БЛАГОДАРЕН судьбе, что не избрала для меня легких путей-дорог, рано приобщила к труду. Сколько помню себя, слышал от матери: «под лежачий камень вода не течет», «глаза страшатся, а руки делают».

Нам бы, литераторам, и самим порассуждать, и людям помочь поразмыслить вокруг этого святого и великого слова «труд» вот в каком его аспекте: без труда не овладеть знаниями, не овладеть словом. А из слов создаются памятники величайшей красоты и долговечности — книги. С помощью слова ты можешь пожить жизнью, какую зельи люди века назад, и ты можешь заглянуть на много лет в будущее. До обидного короткая, твоя жизнь с помощью слова может быть до бесконечности продлена во времени и в пространстве.

Не худо бы нам почаще вспоминать, что мы и в оружие себе выбрали слово.

Запись
Аллы ЛАСКИНОЙ
Фото А. КОЧЕТОВА